

DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220

Research article

The dynamics of political correctness, inclusive language and freedom of speech

Olga A. LEONTOVICH

Volgograd State Socio-Pedagogical University

Volgograd, Russia

Tianjin Foreign Studies University

Tianjin, China

Abstract

The study aims to research the historical dynamics of the notions ‘political correctness’, ‘inclusive language’ and ‘freedom of speech’, as well as to reveal the mechanisms and new tendencies of their realization in public discourse. The sources of practical material are represented by: a) 126 journal and Internet articles; b) 12 speeches of famous US and British politicians, scholars and celebrities reflecting the notions under study. The leading methods include critical discourse analysis, definition and contextual analyses. The research indicates that during its long and contradictory history, the term ‘political correctness’ had both positive and negative connotations. When the negative attitude started to prevail, it was replaced by the notions ‘inclusion’ and ‘inclusive language’ based on similar mechanisms: ban on the use of offensive terms denoting different aspects of people’s identity; avoidance of stereotypes and false semantic associations; abundant use of euphemisms, etc. The paper reveals the new trends in the English language (non-binary expression of gender; changes in the conceptualization of race, age and disability) and social practices meeting the requirements of inclusive communication. Whereas political correctness and inclusive language aim to protect vulnerable social groups and improve the social climate, they produce certain undesirable tendencies: breach between social groups caused by inefficient communication; reverse racism; complex relationship of political correctness with science, literature and education; its speculative use; and restrictions on freedom of speech. The study also sheds light on the problems of politically correct intercultural communication caused by the non-stop language change, differences in social norms, values, grammatical structures, semantics, and cultural associations.

Keywords: *political correctness, inclusive language, freedom of speech, public discourse, communicative practices, intercultural communication, English language*

For citation:

Leontovich, Olga A. 2021. The dynamics of political correctness, inclusive language and freedom of speech. *Russian Journal of Linguistics* 25 (1). 194–220. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220

Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий

О.А. ЛЕОНТОВИЧ

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Волгоград, Россия

Тяньцзиньский университет иностранных языков

Тяньцзинь, КНР

Аннотация

Цель данного исследования, проведенного на материале английского языка, – рассмотреть историческую динамику понятий «политическая корректность», «инклюзивный язык» и «свобода слова», а также выявить механизмы и новейшие тенденции их реализации в социуме. Источники практического материала – 126 публицистических статей и 12 речей известных американских и британских политиков, ученых и деятелей культуры, так или иначе связанных с исследуемыми понятиями. В качестве ведущего научного метода выступает критический дискурс-анализ, в качестве вспомогательных – дефиниционный и контекстуальный анализ. Исследование показало, что на протяжении своей долгой и противоречивой истории понятие политической корректности имело как положительные, так и отрицательные коннотации. Пришедшее ему на смену понятие инклюзивного языка основано на сходных механизмах: исключении инвектив, относящихся к различным аспектам личностной идентичности; отказе от слов с нежелательными коннотациями и ассоциациями; избегании стереотипов; эвфемии; ложных семантических связей. Выявлены новые языковые тенденции (небинарный подход к отражению гендера; изменения в концептуализации расы, обозначении возраста и физического состояния личности) и коммуникативные практики, отвечающие требованиям инклюзивности. Хотя политическая корректность и инклюзивный язык направлены на защиту социально уязвимых групп населения и улучшение общественного климата, с ними связан ряд парадоксальных тенденций, вызывающих тревогу: глубокий водораздел между социальными группами, обусловленный неспособностью договориться о терминах и нормах коммуникации; развитие обратной дискриминации против белого населения; сложные отношения политической корректности с наукой, литературой и образованием; ограничение свободы слова. Обозначены сложности политически корректной межкультурной коммуникации, связанные с непрекращающейся эволюцией языка, различиями в культурных нормах и ценностных ориентациях, грамматическом оформлении и семантике языковых единиц, их ассоциативных связях.

Ключевые слова: *политическая корректность, инклюзивный язык, свобода слова, публичный дискурс, коммуникативные практики, межкультурная коммуникация, английский язык*

Для цитирования:

Леонтович О.А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25. № 1. С. 194–220. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220

1. Введение

Политические события в США 2020 г. и их отголоски в Западной Европе оказывают неизбежное влияние на характер дискурса в массмедиа, образовании, на рабочих местах и в бытовом общении. В связи с этим переосмыслению подвергаются такие понятия, как «политическая корректность» (ПК),

«инклюзивный язык» и «свобода слова», динамика и соотношение которых являются объектом данного исследования. Волею обстоятельств вышеозначенные понятия уже не в первый раз оказываются в центре политических дебатов и во многом определяют общественный климат в англоязычных странах, чем и обусловлена актуальность настоящей статьи.

Исследование, которое находится на стыке лингвокультурологии, социолингвистики и теории дискурса, проводится на материале американского и британского вариантов английского языка. Источниками практического материала послужили 126 публицистических статей и интернет-публикаций, в которых обсуждаются проблемы политической корректности и инклюзивного языка, а также 12 речей известных американских и британских политиков, ученых и деятелей культуры, так или иначе связанных с этими понятиями. В качестве ведущего научного метода выступает критический дискурс-анализ (Fairclough 2003a, Blommaert 2005, Larina et al. 2019/2020, Weiss & Wodak 2007, Леонтович 2011: 105–106), в качестве вспомогательных – дефиниционный и контекстуальный анализ.

Освещаемое в статье исследование направлено на решение следующих задач: 1) дать определение понятию политической корректности и изучить его историческую динамику; 2) проанализировать соотношение понятий «политическая корректность» и «инклюзивный язык»; 3) вскрыть механизмы языкового выражения, связанные с вышеуказанными понятиями, выявить их сходства и различия; 4) отследить новые тенденции в развитии языка и коммуникативные практики, отвечающие требованиям инклюзивности; 5) рассмотреть, каким образом политическая корректность и инклюзивность соотносятся со свободой слова; 6) исследовать реализацию понятия ПК в контексте межкультурной коммуникации.

2. Теоретические основы исследования

Проблема политической корректности не раз привлекала внимание зарубежных и отечественных ученых, причем в определенные временные периоды наблюдались всплески интереса к этой теме. Согласно данным цифровой базы американских газет и журналов *ProQuest*, до 90-х годов XX в. термин «политическая корректность» редко использовался в прессе. Но уже в 1990 г. он появился в печати более 700 раз, в 1991 г. – более 2500 раз, в 1992 г. – более 2800 раз. На рубеже XX–XXI вв. было опубликовано значительное количество научных работ, посвященных ПК (Ayim 1998, Fairclough 2003b, Hall 1994, Kimball 1998, Kuran 1995, Ruth 1992, Иванова 2002, Палажченко 2004, Рубина 2011, Савватеева 2008, Цурикова 2001, Швейцер 1996). К началу предвыборной кампании Д. Трампа 2016 г. отношение к ПК стало одним из ключевых противоречий между республиканцами и демократами (Cow 2016, Brotman 2015, Hamilton 2015, Schwartz 2016). Накануне и во время событий 2020 г. тема вновь стала объектом пристального внимания исследователей (Fox 2018, Morgan 2020, Murray 2019, Sparrow 2018).

Ученые рассматривают политическую корректность с разных ракурсов. Д. Моллер определяет ее как попытку установить нормы речи и – шире – поведения для защиты социальных групп, которые считаются уязвимыми, маргинальными или исторически притесняемыми, сформировать дискурс, свободный от речевых проявлений, которые содержат в себе опасность оскорбления, произвола, поругания, снижения самооценки представителей этих групп и их сторонников (Moller 2020). Н. Фэрклаф, в свою очередь, пишет о ПК как «культурной политике» и политических разногласиях, в центре которых оказываются различные репрезентации, ценности и понятия об идентичности. Поскольку обе стороны конфликта полагают, что изменение культуры должно происходить вместе с изменением языка, эти разногласия, утверждает он, имеют непосредственное отношение к характеру дискурса. Активные приверженцы ПК стремятся добиться институционализации антирасистского и антисексистского языка. При этом иллокутивная сила высказываний активистов весьма вариативна (просьба, убеждение, требование), однако в любом случае речь идет о стремлении изменить индивидуальное поведение и язык. Они убеждены в том, что преобразование дискурса приведет к изменениям в социальных практиках через «процессы диалектической интернализации». Например, пишет Н. Фэрклаф, если называть человека «партнером», а не «любовником» или «сожителем», это приведет к изменению восприятия внебрачных связей и отношения к ним окружающих, а, следовательно, и к смене ценностных ориентиров (Fairclough 2003b).

Нельзя также обойти вниманием чрезвычайно интересную книгу Дж. Хьюза *Political Correctness: A History of Semantics and Culture* [«Политическая корректность: история семантики и культуры»] (Hughes 2009), в которой рассматриваются различные версии происхождения понятия политической корректности и его дефиниции, связь этого понятия с идеологией, этническим разнообразием и колониальным прошлым США, религией, осмыслением гендера, преступностью, наркоманией и т.д. Исследуются различные аспекты языковой семантики, в т.ч. эвфемизация и табу, использование слов в институциональном дискурсе и за его пределами, влияние ПК на литературу и искусство. Что общего, пишет Дж. Хьюз, между председателем Мао, foie gras, романом «1984» Дж. Орвелла, маккартизмом, анекдотами про СПИД и «Симпсонами»? На первый взгляд, ничего. Но если задуматься, все эти явления имеют отношение к трудноопределимому понятию ПК, которое существует в многообразных формах. Объекты особого внимания и осуждения сторонников ПК, утверждает Хьюз, – оскорбительный язык, предвзятое отношение и обидное поведение. ПК стала попыткой очищения языка, связанной с понятиями «мультикультурализм», «позитивная дискриминация» и «либеральная ортодоксия». Дж. Хьюз также поясняет, что неслучайно включил в название книги термин «семантика» – воздействие ПК на язык в наибольшей степени связано с изменением словарных значений и целых семантических полей. Он называет это *семантическим проектированием* [semantic

engineering], тесно связанным с переозначиванием. Как и ряд других ученых, Дж. Хьюз сравнивает эти изменения с «новоязом» в книге Дж. Орвелла «1984» (Там же).

Заслуживает внимания и точка зрения, высказанная российской исследовательницей В.В. Майба (2016), о наличии «идеологием политкорректности», которые, с ее точки зрения, играют роль регулятивов, задающих систему оценок, принципов и установок, и оказывают влияние на коммуникативные действия носителей данной идеологии. В языке, утверждает она, идеологемы политической корректности выполняют функцию метаконцептов, позволяющих оценить языковые единицы с точки зрения их соответствия либо несоответствия принципам и установкам ПК. В качестве центральной в этой системе выступает сама номинация *political correctness*, содержащая в себе «важнейшие оценки и установки данного движения». В.В. Майба представляет идеологемы политической корректности в виде оппозиций *equality*/равноправие – *discrimination*/дискриминация, *tolerance*/терпимость – *intolerance*/ненависть, *respect*/уважение – *humiliation*/унижение и т.д. Также, по мнению автора, язык политкорректности дает дифференцированную картину отклонений от правильного поведения: *ableism*, *sexism*, *lookism*, *xenophobia* и др. (Майба 2016).

Несмотря на наличие большого количества публикаций, проблема ПК остается недостаточно изученной. Исследование темы осложнено целым рядом причин, к которым относятся: 1) огромное количество определений политической корректности и горячие споры вокруг нее, поляризация общества и, соответственно, исследователей по отношению к соотносимым с ней понятиям; 2) постоянная динамика политически корректного языка: то, что вчера казалось приемлемым, перестает быть таковым; слова, считавшиеся образцом политической корректности, начинают расцениваться как недопустимые, противоречащие новым нравственным нормам; 3) требования к политически корректному дискурсу, накладывающие отпечаток на то, какие проблемы ученые решаются либо опасаются исследовать; их научно обоснованные подходы и честное мнение могут яростно отвергаться академическим окружением и, как мы покажем ниже, влиять на их судьбу.

3. Анализ и результаты исследования

3.1. Сущность понятия «политическая корректность»: движение от положительного к отрицательному

Рассмотренный нами теоретический и практический материал показывает, что у понятия «политическая корректность» долгая и противоречивая история, на протяжении которой оно имело как положительные, так и отрицательные коннотации. К. Гибсон, журналистка американской газеты “*The Washington Post*”, описавшая этапы его развития (Gibson 2016), указывает, что термин использовался как в буквальном значении – с гордостью, для воплощения позитивной идеи, так и для выражения иронии, негодования, оскорбления, политического несогласия. Он начал активно применяться

американскими коммунистами в 30-х–40-х годах XX в. для обозначения «правильного» языка и ортодоксальных политических взглядов. Многие ученые, например, Дж. Хьюз (Hughes 2009), также связывают историю развития ПК с китайской «культурной революцией», диктатом Мао и его знаменитой речью 1957 г., название которой было переведено на английский язык как: “*On the Correct Handling of Contradictions among the People*” (Weigel 2016). Постепенно словосочетание стало приобретать иронический оттенок при описании слепой верности партии, слишком правильных взглядов, невзирая на степень их полезности и справедливости. В 60-е годы XX в. фразу вновь взяли на вооружение «левые» и активисты, уже с положительной коннотацией. Именно в таком значении в 1964 г. это выражение употребил в одном из своих выступлений американский президент Линдон Джонсон, подчеркивая, что закон о гражданских правах и медицинская помощь пожилым людям не только политически правильны, но и обоснованы с моральной точки зрения. В аналогичном ключе фраза использовалась в 80-е годы XX в.:

(1) *If both Democrats and Republicans believe the deficit is the key issue for the 1986 elections, then voting for a balanced budget is the politically correct thing to do* (*The New York Times*. Приводится по: Gibson 2016).

[Если как демократы, так и республиканцы полагают, что дефицит – это главная проблема выборов 1986 года, то голосование за сбалансированный бюджет – это политически корректный шаг].

Влияние ПК на общественную жизнь не ограничивалось различиями в коннотациях самого термина – оно имело более значительные последствия и было закреплено на законодательном уровне. В 60–70-х гг. XX в. в результате движения за гражданские права были введены запреты на официальное употребление ряда этнонимов, например, *Negro, colored* (Швейцер 1996: 12). Были созданы списки других слов, употребление которых считалось нежелательным или недопустимым. Действие ПК распространялось на такие социальные понятия, как раса, этнос, гендер, религиозные верования, сексуальная ориентация, физическое состояние, материальная обеспеченность, и было направлено на то, чтобы не оскорбить людей по этим аспектам идентичности (Леонтович 2005: 255–256).

К концу 80-х – началу 90-х гг. «политическая корректность» стала камнем преткновения между либералами и консерваторами. В 1991 г., обращаясь к студентам Мичиганского университета, президент Дж. Буш заявил:

(2) *The notion of political correctness has ignited controversy across the land. And although the movement arises from the laudable desire to sweep away the debris of racism and sexism and hatred, it replaces old prejudice with new ones* (приводится по: Gibson 2016).

[Понятие политической корректности всколыхнуло волну противоречий по всей стране. И хотя движение поднялось из-за похвального желания избавиться от остатков расизма, сексизма и ненависти, оно заменяет старые предрассудки новыми].

Приведенные примеры иллюстрируют внутреннюю противоречивость понятия ПК: на одном полюсе – выражение идеалов справедливости, на другом – оскорбительное отношение к политическим противникам по широкому спектру проблем – см., например, публикацию К. Чау “*‘Politically correct’: The phrase has gone from wisdom to weapon*” [«Политическая корректность: мудрая фраза превращается в оружие»] (Chou 2016), само название которой отражает кардинальное изменение в значении термина.

В последние годы президентства Б. Обамы политическая корректность, или, точнее, антикорректность, как пишет М. Вигел (Weigel 2016), вновь пережила подъем. Само определение ПК и отношение к ней оказались в центре противоречий между правыми и левыми, демократами и республиканцами. Негативное использование понятия ПК характерно для республиканца Д. Трампа, президентская кампания которого, в противовес Х. Клинтон, была во многом построена на отказе от политической корректности:

(3) *I think the big problem this country has is being politically correct <...> I don't, frankly, have time for total political correctness. And to be honest with you, this country doesn't have time, either* (приводится по: Chou 2016).

[Думаю, что большая проблема этой страны – политическая корректность <...> У меня, по правде говоря, нет времени быть абсолютно политически корректным. И, если честно, у страны тоже нет на это времени].

Для Трампа, пишет С. Бротман, нормой политической корректности стала политическая некорректность (Brotman 2016). Как отметил ведущий популярного американского шоу “*Politically Incorrect*” Билл Мар, «Трамп говорит все, что приходит ему в голову <...>, а народу это нравится. Целое поколение американцев задыхалось от политической корректности и слишком осторожных политиков – они этим сыты по горло» (Maher, 2016). С точки зрения К. Чау, в устах консервативно настроенных американцев выражение «политическая корректность» стало эквивалентом политической трусости и сверхсенситивности к использованию языка (Chou 2016). Во время опроса 2016 г. почти 60% американцев высказали мнение, что в стране произошел перекосяк в сторону ПК и что понятие утратило свое первоначальное значение (Brotman 2016. См. также: Mounk 2018). С другой стороны, демократы и их сторонники заявляли, что отказ от политической корректности равносителен отказу от демократических идеалов (Hamilton 2015).

Таким образом, можно утверждать, что динамика отношения к политической корректности в западном мире, в особенности в США, включала: осознание определенной частью населения необходимости соблюдать соответствующие нормы; яростное сопротивление другой, менее прогрессивной его части; введение законов, связанных с политически корректным языком; перегибы, породившие чрезмерные, порою абсурдные требования к языку и поведению в обществе (Леонтович, Якушева 2014: 122). Борьба не

закончена, она продолжается, во многом определяя политический климат и характер дискурса.

3.2. Инклюзивный язык

Когда отрицательные коннотации понятия ПК стали превалировать, на смену ему пришли понятия инклюзивности и инклюзивного языка. Анализ научных источников, публицистических статей и интернет-сайтов позволяет заключить, что инклюзивность определяется как коммуникативная практика (как на институциональном, так и бытовом уровне), направленная на принятие и равенство социальных групп индивидуумов, различающихся по признакам расы, этноса, социального статуса, религиозных верований, гендера, семейного положения, возраста, социоэкономического положения и т.д. (см. например: *What is diversity...*). Об инклюзивном языке также пишут как о языке, который никого не дискриминирует.

Отметим, что если с лингвистической точки зрения цель политической корректности – воспрепятствовать *исключению* определенных категорий населения из дискурса и социальных практик (“*a desire to eliminate exclusion of various identity groups based on language usage*”) (Roper 2008), то понятие инклюзивности (от англ. *inclusion*), как показывает сам термин, направлено на их *включение* в дискурс. Из этого следует вывод, что мы имеем дело со сменой векторности в коммуникации.

Некоторые исследователи честно признают, что инклюзивный язык есть разновидность политической корректности, другие проponentы инклюзивного языка пытаются всячески откеститься от ПК ввиду ее непопулярности. В основе обоих понятий лежит избегание маргинализации, неверной интерпретации, нанесения обиды и стереотипизации. Как можно видеть, суть их предельно близка, хотя, согласно определению инклюзивности, предложенному С. Роупер, ключевым семантическим компонентом этого термина является чувство принадлежности (*sense of belonging*) (Roper 2008).

Заметим, что в российских научных исследованиях понятие инклюзивности, или инклюзии, предельно сузилось и в основном употребляется применительно к людям с ограниченными возможностями. Мы рассматриваем это понятие в широком значении – по отношению к разным социальным группам.

3.3. Механизмы формирования инклюзивных значений

Проведенный нами анализ языкового материала показывает, что механизмы формирования политически корректных значений и смыслов и принципы инклюзивной коммуникации сходны и сводятся к следующему.

1. Исключение инвектив, относящихся к различным аспектам идентичности (*nigger, Injun, cripple* и др.). Инвективная лексика ориентирована на оскорбление людей по таким признакам, как гендер, раса, возраст и т.д., которые заведомо делают их уязвимыми, и рассчитана на то, чтобы задеть человека за живое. Слово *nigger* в настоящее время считается настолько

неприемлемым, что рекомендуется не использовать его вообще, даже в качестве языкового примера; вместо этого используется эвфемизм *n-word*. Аналогично, табуированным стало слово *retarded* [умственно неполноценный], которое заменяют на *r-word*.

2. Отказ от слов, которые изначально не считались неприемлемыми, но с годами на них наслоились нежелательные коннотации и ассоциации. Так, например, произошло с английским словом *Negro*, заимствованным из испанского, где оно обозначает то же, что и *Black* в английском; однако *Black* (наряду с *Afro-American*) считается политически корректным и абсолютно приемлемым обозначением людей негроидной расы, в то время как термин *Negro* стал табуированным. В свое время Мартин Лютер Кинг называл себя *Negro* и с гордостью провозглашал: “*The New Negro is not afraid*” [«Новый негр не боится»]. После его гибели в 1968 г. слово стало постепенно выходить из употребления. Линдон Джонсон был последним президентом, который публично его использовал. В настоящее время оно стало считаться совершенно политически некорректным, а также почти перестало употребляться как самоназвание в именах организаций, хотя до сих пор существует, например, *The National Council of Negro Women* [Национальный совет негритянских женщин].

К числу входящих в эту категорию лексем американские исследователи (например, Haney López, 2014, Syrett 2020) также причисляют следующие: *thug* [убийца, головорез, хулиган] – слово, которое ранее использовалось вне зависимости от расы, но со временем стало по большей части применяться к чернокожему населению США; *urban* и *inner city* [центральная часть города, которая в результате переезда белого населения в пригороды в 50–60-х гг. XX в. стала ассоциироваться с жителями гетто, склонностью к безделью и преступностью]; *middle class* [средний класс] – ассоциируется с белыми и противопоставляется людям иных рас и жителям гетто; *welfare queen* [букв. «королева, живущая за счет благотворительности»] – словосочетание, в котором реализуется сразу три стереотипа – расовый, гендерный и имущественный. Раздаются призывы избегать выражений, содержащих слова *master* и *slave* (букв. «хозяин» и «раб»; например: *master bedroom* [главная спальня]; *master and slave* в компьютерной терминологии); *black* и *white* (в значениях «плохой» и «хороший»); *black list* [черный список]; *black sheep* [паршивая овца]; *black day* [черный день]; *white collar* [белый воротничок]; *whiter than white* [букв. «белее белого» – о безупречно честном человеке]. Не рекомендуется использовать глагол *to gyp* [воровать, мошенничать] из-за его семантической ассоциации с цыганами.

Из языка также уходят устойчивые идиоматические выражения, этимологически связанные с историческими явлениями, в частности рабством, бедностью, гендерными стереотипами и т.д.: *sell down the river* [предавать]; *cake walk* [кекуок, танец, исполнявшийся рабами на плантациях]; *peanut gallery* [галёрка, самые дешевые места в театре]; *that's so gay!* [отвратительно,

неприятно, скучно]; *man up* [призыв вести себя мужественно (ср. «будь мужиком!»)]. В 2019 г. министр иностранных дел Великобритании подвергся жесткой критике, когда употребил последнее выражение, призвав Бориса Джонсона не трусить и принять участие в дебатах.

Многие фразы спекулятивно используются как инструменты манипуляции в политической борьбе: *black-on-black crime* [преступность черных против черных]; *radical Islam* [радикальный ислам] и *islamophobia* [исламофобия] (возражение вызывает использование этих лексем по отношению ко всем мусульманам); *illegal immigrant* [нелегальный иммигрант] (в основном применяется к выходцам из Латинской Америки, хотя нелегальные иммигранты могут приезжать из разных стран). И. Хейни Лопес пишет, что речь идет об использовании «кодированного языка» (Haney López 2014), то есть фактически о том, что политически некорректными являются имплицитные составляющие языкового значения.

3. Избегание стереотипизации в дискурсе. По мнению сторонников ПК, ряд слов и выражений способствует возникновению либо увековечению стереотипов. Например, полагает И. Хейни Лопес, слова *bossy*, *sassy*, *uppity* используются для негативной характеристики женщин, которые умеют постоять за себя, но никогда не будут употребляться при описании мужчин. В частности, объектом такой стереотипизации стала «первая леди» Мишель Обама (Там же).

Существует мнение, что стереотипизации также могут способствовать грамматические конструкции. Сторонники ПК утверждают, что фраза *The boy kissed the girl* [Мальчик поцеловал девочку] нехороша, так как представляет женщину в роли объекта, подчиненного мужчине, и тем самым закрепляет гендерные роли. Не одобряются также фразы, выражающие «позитивные стереотипы»: *Women are more polite than men* [Женщины вежливее мужчин]; *Asians tend to score well on standardized tests* [Азиаты хорошо сдают стандартизированные тесты]) и снисходительные похвалы: *You speak such good English* [Ты так хорошо говоришь по-английски].

4. Сужение, расширение или изменение семантики слова, возникновение у него новых значений. Механизм семантических преобразований заключается в том, что исходное слово или словосочетание трактуется в неожиданном ракурсе, на первый план выводятся семы, которые прежде не являлись значимыми. Например, слово *gay*, которое первоначально использовалось только в значении «веселый, беззаботный», в конце XIX – начале XX вв. стало использоваться по отношению к гомосексуалистам. В данном случае речь идет о формировании новых смыслов на основе их контекстуализации. В случае широкого резонанса смыслы закрепляются в виде устойчивых коннотаций и ассоциаций и со временем становятся неотъемлемой частью языкового значения.

Изменение семантики хорошо прослеживается на примере концептуализации понятия «раса». В российских учебниках традиционно пишут о

европеоидной, негроидной, монголоидной и других расах. В англоязычном мире уже отказались от этого деления. Во время переписи населения 2010 г. в США использовалась следующая классификация: *White, Black or African American, American Indian and Alaska Native, Asian, Native Hawaiian and Other Pacific Islander, some other race*. В 2019 г. уже высказывалось мнение, что раса не обеспечивает точной репрезентации биологической вариативности человечества, в связи с чем западную концепцию расы следует понимать как классификацию, возникшую на основе «европейского колониализма, угнетения и дискриминации» (AAPA statement... 2019).

Ярким проявлением динамики мировосприятия и вытекающей отсюда «войны слов» являются понятия *sex* [пол] и *gender* [гендер]: первое используется применительно к биологической, а второе – к социальной идентичности личности. Трактовка этих понятий в стремительно меняющемся социальном контексте тесно связана со звучащими в западном мире призывами отказаться от бинарного подхода (*man vs. woman, male vs. female*). Предлагаемый сегодня спектр гендерной вариативности намного превышает возможности языка, в связи с чем в последнее время наблюдается взрывной рост терминов. Р. Голдман (Goldman 2014) составила список из 58 терминов, обозначающих разные оттенки гендера, в том числе: *agender, cisgender, non-binary, gender-queer, gender expansive, gender non-conforming, gender awesome, gender fluid* и т.д.

5. Эвфемия. Механизм ее действия с точки зрения семантики – это фактически вынесение «за скобки» эксплицитного выражения всех сенситивных компонентов значения либо их экспликация в максимально смягченной форме, например: *homeless – outdoor urban dweller, prostitute – sex worker, immigrant – newcomer, illegal immigrant – undocumented worker, unemployed – economically inactive, worst – least best*.

При ближайшем рассмотрении можно увидеть, что попытка скрыть истинное значение выражения за эвфемистической конструкцией приводит к нарушению логических связей между составляющими ее лексемами. Так, например, Дж. Хьюз разбирает словосочетание *political correctness* и приходит к выводу, что оно содержит внутреннее противоречие, поскольку нет «правильной политической позиции» – за пределами тоталитарных государств семантика этого словосочетания по определению диверсифицирована и предполагает спектр значений для представителей разных партий и политических групп. Аналогично, выражение *industrial action* в значении *strike* [забастовка] не имеет ничего общего с *industrial* и *action*. Более того, отмечает Хьюз, это неправильное название, поскольку забастовка – это фактически отсутствие какого-либо действия. Он также обращает внимание на тенденцию к созданию адъективных эвфемистических конструкций, часто странных с точки зрения семантики и языкового оформления: *politically correct, physically challenged, visually impaired, differently abled* (Hughes 2014).

6. Ложные семантические связи. В 1999 г. сотрудник мэрии Вашингтона Дэвид Хауэрд вызвал гнев коллег, когда использовал в речи слово *niggardly*

[скупой, прижимистый], созвучное табуированному слову *nigger*, и в результате был вынужден уволиться со службы, хотя этимологически эти слова друг с другом не связаны (World Wide Words...). *Microsoft* не зарегистрировал пользователя, живущего в маленьком американском городке *Fort Gay*, посчитав слово *gay* оскорбительным, несмотря на то, что многие люди так себя идентифицируют. Не помогло даже вмешательство мэра этого городка, пытавшегося объяснить, что слово используется в своем первоначальном значении (Karlson 2006).

Выше мы описали некоторые языковые механизмы, сходные для политической корректности и инклюзивного языка. Причины употребления соответствующих языковых значений в дискурсе также представляют интерес. Мы можем наблюдать: а) сознательное употребление политически некорректных вербальных и невербальных знаков с целью уязвить, обидеть собеседника либо заявить о своих политических взглядах, выразить свою политическую позицию; б) бессознательное употребление политически некорректных единиц без понимания их неприемлемости или неуместности, обусловленное недостаточным уровнем языковой и/или культурной компетентности; в) целенаправленное порождение политически некорректных смыслов, имеющее целью продвинуть определенную идеологию и закрепиться в лингвокультурном фонде народа.

3.4. Новые тенденции в языковом использовании в связи с инклюзивностью

Как уже отмечалось выше, изменения происходят так быстро, что за ними трудно уследить: то, что считалось приемлемым вчера, может уже не рассматриваться как таковое сегодня. Кроме того, могут наблюдаться расхождения в разных англоговорящих странах. В результате исследования мы выявили следующие закономерности, актуальные на момент написания статьи.

Общий принцип политически корректного коммуникативного поведения сводится к неиспользованию слов и выражений, а также невербальных действий, подчеркивающих определенные аспекты личностной идентичности (Леонтович 2005: 253–254). Динамика значений тесно связана с изменением отношения к понятию «норма», в том числе языковая. Раньше семантической «нормой», от которой велся отсчет, считались белые гетеросексуальные мужчины англосаксонского происхождения среднего возраста, среднего класса, отсюда немаркированное использование этих характеристик в речи (обобщенное использование местоимения *he*, существительного *man* и его производных *mankind*, *chairman*, *manmade* по отношению как к мужчинам, так и женщинам и т.д.) и, соответственно, эксплицитное обозначение в речи «отклонений от нормы» (*female surgeon*, *Black student*, *unusually tall Asian*, *elderly lady*). Ярким проявлением отношения к норме также являлись номинации гетеросексуалов (*straight*) и сексуальных меньшинств (*bent*, *queer*).

По нашим наблюдениям, наибольшее количество языковых изменений касается гендера, хотя пока не все они приняты языковым сообществом.

Прежде всего, это, как уже указывалось выше, выступления против бинарности в восприятии гендера, то есть сведения всех категорий людей к мужчинам и женщинам. Инклюзивность требует, чтобы нормативно использовались существительные и прилагательные, универсальные для разных проявлений идентичности, например: *humanity* вместо *mankind*; *human resources* вместо *manpower*, *maintenance/utility hole* вместо *manhole*, *Member of Congress* вместо *Congressman*.

Сторонники этого подхода также настаивают, чтобы существительные *man/woman* и прилагательные *male/female* использовались только тогда, когда говорящий или пишущий абсолютно уверен, что личность именно так себя идентифицирует. В противных случаях предлагается использовать лексемы с обобщенным значением, такие как *people*, *individuals*, *students* и т.д. либо формулу: *man, woman or gender non-binary*.

Небинарный подход также касается местоимений. Как известно, ранее обобщающим для всех родов являлось местоимение *he* (например, *teacher... he*). В результате борьбы женщин за свои права в качестве компенсации стало использоваться обобщающее *she*. Так, еще недавно в Великобритании на сайте Национальной службы здравоохранения (*NHS*) в рекомендациях для беременных женщин и молодых мам слово *baby* заменялось местоимением *she*. Приведем также пример с американского онлайн-форума, посвященного проблемам образования:

(4) *The child must learn many aspects of grammar from her specific linguistic environment.*

[Ребенок должен воспринимать многие аспекты грамматики из своего конкретного языкового окружения].

В настоящее время рекомендуется использовать местоимения *he/she* и, соответственно, *his, him, her*, только если вы точно знаете, что именно они соответствуют самоидентификации личности. Также не рекомендуется применять на письме обобщающие формы *(s)he* и *s/he*. На смену пришли гендерно-нейтральные местоимения *they, their, themselves/themself*, которые употребляются по отношению к объекту не только во множественном, но и в единственном числе:

(5) *Having skin-to skin contact with your baby will help to keep them warm.*

[Контакт с кожей ребенка поможет ИХ согреть].

(6) *I may bring a friend, their name is Robin.*

[Я, может быть, приведу друга/подругу, ИХ зовут Робин].

(7) *I spoke to the manager and they said they'd get back to me.*

[Я поговорил с менеджером – ОНИ сказали, что со мной свяжутся].

(8) *I think someone left their bag behind.*

[Думаю, кто-то забыл ИХ рюкзак].

В некоторых американских и британских компаниях и учебных заведениях внедряются бейджики: *Hello! My name is... My pronoun is...*

Предполагается, что человек укажет на бейджике местоимения, с которыми он себя ассоциирует. Аналогичным образом, предпочтительные местоимения (*preferred pronouns*) добавляются к подписи в электронной почте. Впрочем, некоторые сторонники инклюзивного языка считают термин *preferred pronoun* неправильным, утверждая, что гендер не является объектом предпочтения. Кроме того, лица, называющие себя *gender fluid people* могут менять местоимения в зависимости от того, к какому гендеру они себя относят в тот или иной момент времени. Таким образом, вокруг этих языковых употреблений продолжается ожесточенная борьба.

Предлагаются также альтернативные гендерно-нейтральные местоимения:

He/She – *Zie, Sie, Ey, Ve, Tey, E*

Him/Her – *Zim, Sie, Em, Ver, Ter, Em*

His/Her – *Zir, Hir, Eir, Vis, Tem, Eir*

His/Hers – *Zis, Hirs, Eirs, Vers, Ters, Eirs*

Himself/Herself – *Zieself, Hirsself, Eirself, Verself, Terself, Emself.*

Они не столь широко признаются языковым сообществом – люди высказывают мнение: «Лучше уж я привыкну к использованию *they* по отношению к единственному числу, чем буду учить совершенно новый язык».

Наблюдается также отказ от использования обращений *Ladies and gentlemen* и *Sir/Madam*; их советуют заменять на: *esteemed guests; friends and colleagues; everyone* и др. Предложенное еще в 1901 г. обращение *Ms*, не указывающее на семейное положение женщины, получило распространение в 70-х гг. XX в. В 2017 г. словарь *Merriam Webster* зафиксировал новое гендерно-нейтральное обращение *Mx*, произносимое как [miks]. Еще дальше пошел британский банк *HSBC*, предлагающий клиентам, в дополнение к традиционным, выбор обращений: *Mre (mystery), Ind (individual), M, Mx, Sai, Msc, Msr* и *Myr*.

Создаются также новые слова. Например, помимо *uncle and aunt*, предлагаются гендерно-нейтральные *auncle, untie, titi, zaza* и *nini*, а помимо *niece* и *nephew* – *nibling, chibling* и *sibkid*.

Еще одной чрезвычайно актуальной темой является расовая принадлежность. Ее обсуждение в значительной степени обострилось летом 2020 г., когда на первый план вышли политические события, связанные с движением *Black Live Matter*. Сторонники этого движения отвергают попытки противопоставить его названию такие лозунги как: *White Lives Matter, Blue Lives Matter* (в защиту полицейских) и, наконец, *All Lives Matter*, заявляя, что те, кто их предлагает, не понимают сути проблемы: *All lives can't matter until black lives matter*.

Появляются новые урбанонимы. Например, 5 июня 2020 г. мэр Вашингтона объявил, что часть улицы рядом с Белым домом названа *Black Lives Matter Plaza*. Движение также озаменовано возникновением новых словосочетаний и терминов, таких как *Unapologetically Black* и *BIPOC* [Black,

Indigenous, and People of Color], выражающих вызов по отношению к белому цвету кожи и «белому превосходству» [*White supremacy*].

Семантика гендера и расы заслонила собой другие аспекты идентичности (возраст, физическое состояние и т.д.), хотя они тоже в определенной степени представлены. Дискриминация по признаку возраста обозначается термином *ageism/agism* и может существовать в разных формах, например: *adulthoodism, adulthoodcentrism, gerontocracy* и др. Выражение *older person* считается более приемлемым, нежели *elderly* или *senior*.

Для обозначения людей с ограниченными возможностями в основном используется слово *disabled*. Как и по другим аспектам инклюзивного языка, идут жаркие споры относительно предпочтительных форм языкового выражения. Одним из лингвистических подходов является так называемый *people-first language / person-first language (PFL)*, когда на первое место ставится человек, а затем – его заболевание, что выражается формулой: *a person with disability; a person with diabetes*. Ему противопоставлен *identity-first language*, приверженцы которого полагают, что социальная модель более четко выражается словами *disabled; diabetic*. При обозначении объектов для инвалидов предпочтительно использовать слово *accessible* (а не *disabled*), например: *accessible parking spaces/rooms/lifts/toilets*. Выражается разное отношение к словосочетанию *special needs*: одни полагают, что это вежливый эвфемизм, другие считают его инструментом скрытой дискриминации (см., например: *My needs are not special*, 2016). Не рекомендуется использовать прилагательное *lame* в значении «неудачный, слабый, неубедительный» (например, *lame excuse*).

Тематика дискурса в рамках инклюзивности также предполагает отказ от обсуждения тем, связанных с человеческой внешностью, которые трактуются как форма дискриминации (*body shaming, fat shaming, sizeism, lookism* и др.).

3.5. Появление новых коммуникативных практик

За языком и осмыслением языковых значений следуют коммуникативные действия, оказывающие огромное влияние на такие аспекты жизни государства, как сбор статистических данных, образование, здравоохранение, система социальной помощи, правосудие и спорт. Рассмотрим некоторые обнаруженные нами примеры новых коммуникативных практик.

Внимание к языку как инструменту выражения тактичного и уважительного отношения к окружающим можно расценивать как безусловно положительное явление. По словам М. Ханна, речь идет о «тщательно откалиброванном языке», требующем высокого уровня лингвистической компетентности (Hannah 2016). Такой подход влечет за собой разработку и внедрение на рабочих местах, в учебных заведениях, больницах, социальных службах, местах общественного пользования и т.д. инструкций по применению инклюзивного языка, выступающего как средство эффективного общения с разными категориями людей. Нормы инклюзивности вводятся в британских и американских

школах и детсадах, где детей с раннего возраста приучают к толерантности и деликатности в общении, например: “*We do not speak about skin colour*” [«Мы не обсуждаем цвет кожи»]. В результате детское внимание не зафиксировано на таких параметрах идентичности, как раса, этническая принадлежность, физическое состояние сверстников и учителей. Либералы активно призывают учителей к разработке специальных курсов, посвященных инклюзивности. Однако родители весьма настороженно относятся к такого рода курсам: из-за поляризации общества они не уверены, чему именно будут учить их детей и не будет ли содержание занятий вступать в противоречие с их семейными ценностями.

В противовес вечеринкам, на которых будущие родители сообщают родственникам и друзьям пол ожидаемого ребенка [‘gender reveal’ parties], в последнее десятилетие появилась практика «гендерно-креативного» [‘gender-creative’] воспитания детей, которых называют ‘*theybies*’ – без сообщения окружающим либо акцентирования их пола, чтобы они сами впоследствии смогли определиться со своей гендерной принадлежностью. В США, Великобритании и других западных странах вводятся документы, где пол может быть обозначен как X либо вообще отсутствовать, а родители указаны как *Parent 1, Parent 2*. Л. Гарсиа (Garcia 2018), которая описывает себя как “*queer kindergarten teacher*”, выступает с программой преподавания в детском саду и начальной школе:

(9) “*Everyone gets to choose if they are a girl or a boy or both or neither or something else, and no one else gets to choose for them*” (Garcia 2018).

[Каждый сам выбирает, кем быть – мальчиком, девочкой, или ни тем, ни другим, или еще кем-то, и никто не должен делать выбор за них].

В американском штате Мэн предложили отменить деление туалетов на мужские и женские после того, как трансгендерного мальчика не пустили в туалет к девочкам. “*Think about the last part: after denying HIM access to the GIRL’s bathroom*” [«Только задумайтесь над последней частью фразы: отказали ЕМУ в доступе в туалет для ДЕВОЧЕК»], – говорится в комментарии (Karlson, 2006). Это было написано в 2006 г., сейчас написали бы: “*Denying THEM access <...>*” [отказали ИМ в доступе]. Знаменитая британская торговая сеть *Marks&Spencer* разрешает мужчинам пользоваться женскими раздевалками, если они скажут, что идентифицируют себя как женщины.

Х. Шварц (Schwartz 2016) полагает, что изменения, происходящие в обществе под влиянием ПК, имеют далеко идущие последствия: происходит трансформация самовосприятия и усиление роли «первобытной» сущности человека. Изменяется подход к категоризации мира, поиску в нем своего места и системе межличностных взаимоотношений, что иллюстрируют следующие примеры.

(10) В 2019 г. русская коллега побывала в США на свадебной церемонии, на которой девушка вышла замуж (или женилась?) сама на себе. Церемония сопровождалась брачными клятвами.

(11) В августе 2020 г. был переименован музей в Сан-Диего, существующий с 1915 г. Старое название “*Museum of Man*” было изменено на “*Museum of Us*”. Споры вокруг названия продолжались с 1990 г. Некоторые женщины отказывались заходить в музей, так как считали его «памятником патриархату» (The Sun. 04.08.2020).

Процессы также включают смену семиотических знаков на невербальном уровне. В 2012 г. Оксфордский университет переписал свой (очень строгий!) дресс-код. Теперь женщины могут посещать официальные мероприятия в костюмах и бабочках, а мужчины – в юбках и колготках, что удовлетворяет требованиям трансгендерных студентов. Полиция одного из графств Уэльса (*Dyfed Powys*) ввела для своих сотрудников гендерно-нейтральные формы в стиле «унисекс».

3.6. Парадоксы политической корректности и инклюзивности

Хотя политическая корректность и инклюзивный язык направлены на защиту социально уязвимых групп населения и улучшение общественного климата, с ними связан ряд парадоксов, вызывающих тревогу.

1. Голоса за политическую корректность, – пишет Дж. Хьюз, – громче всего звучат не в тоталитарных государствах, а в свободном западном мире, особенно в США, где свобода слова является конституционным правом (Hughes 2014). Последние политические события в США и Западной Европе также подтверждают это утверждение.

2. Несмотря на то, что цель ПК – тактичное, позитивное общение, стремление не обидеть окружающих, попытки ее повсеместного внедрения вызывают глубокие противоречия, волны ненависти и насилия. Исследователи, анализирующие соответствующие коммуникативные практики, приходят к выводу, что ПК стала «палкой о двух концах», поскольку вызывает неловкость, недоверие и трения во взаимоотношениях (Ely et al. 2006). Возникает глубокий водораздел между разными социальными группами, который, очевидно, можно в значительной степени объяснить плохой коммуникацией, неспособностью договориться о терминах и нормах коммуникации.

3. Хотя речь идет об инклюзивности, некоторые группы населения, напротив, исключаются из коммуникативных практик. Так, например, организация *Black Lives Matter Denmark* провела в Копенгагене демонстрацию с участием 15 тыс. человек, на которой впереди могли идти только чернокожие участники; белым также было запрещено выкрикивать некоторые лозунги. В 2019 г. в объявлении об одной из научных конференций, явно позиционирующей себя как инклюзивная, было сказано, что принять в ней участие могут только те, кто идентифицирует себя как женщины (*trans, binary and cis*), независимо от их академической должности, образовательного уровня, физического состояния, этнической и классовой принадлежности.

4. С одной стороны, рекомендуется не упоминать без необходимости расу, гендер, возраст и другие параметры идентичности; с другой – если они

не упоминаются, говорящего или пишущего могут обвинить в том, что определенные группы населения «невидимы», то есть им не уделяется должного внимания.

5. Благородная борьба против дискриминации чернокожего населения приводит к развитию «реверсивного расизма», или обратной дискриминации, направленной против белых [anti-white racism]. Выше уже говорилось о лозунге *White Lives matter*, который не признается сторонниками *BLM*. В США звучат высказывания типа: “*The problem in this country are whites*” [«Проблема в этой стране – белые»]. В Великобритании семидесятилетний телеведущий Джон Сноу был вынужден извиняться после того, как, комментируя митинги против Брексита, произнес фразу:

(12) “*I have never seen so many white people in one place, it’s an extraordinary story*” [«Никогда не видел столько белых в одном месте, это поразительно»].

Во время проведенного в 2015 г. в США опроса 43% респондентов заявили, что дискриминация белых становится столь же серьезной проблемой, как дискриминация чернокожих (Ross 2015).

6. Эвфемизмы превращаются в свою противоположность – обретают нежелательные коннотации, поскольку обозначают какие-либо неприятные явления (см. например, историю употребления слов *invalid*, *handicapped*, *disabled*; неоднозначное отношение к лексемам *queer*, *lesbian*, *gay*).

7. По первоначальному замыслу, инклюзивный язык должен более точно отражать социальное разнообразие в картине мира. Однако во многих случаях идет противоположный процесс, поскольку упоминание различных социальных групп может быть расценено как политически некорректное. Так, например, Т. Сандеева утверждает, что американские школьные учебники скучны, не креативны и отличаются поверхностностью; в них представлена идеализированная жизнь, далекая от действительности, где отсутствует любого рода неравенство. Использование слов *old* или *elderly* рассматривается как проявление дискриминации по возрасту; женщину нельзя показывать как домохозяйку [*caregiver*], так как это гендерный стереотип; в одной из школ запретили старую и всеми любимую детскую книжку “*The Little Engine that Could*” («Паровозик, который мог», 1930 г.), так как паровозик там мужского рода (Sundeyeva 2010). Сейчас все громче звучат призывы переписать учебники истории, чтобы отразить в них более значительную роль чернокожих и представителей разных сексуальных меньшинств.

8. У политической корректности сложные отношения с наукой, литературой и искусством. Ученые отказываются исследовать «опасные» темы, например, сопоставление мужчин и женщин; проблемы, связанные с матерями-одиночками, бездомными, ожирением, алкоголем и наркотиками; высказываться за оценку ученых по их заслугам, а не исходя из принципа равенства, так как могут быть обвинены в политической некорректности, подвержены остракизму со стороны коллег, уволены из университета (Краусс

2020, Berezow 2016). Ограничивается круг тем, обсуждаемых в медицинском дискурсе (Daniels, 2017). В 2020 г. на сайте *CNN* появилась информация, где вместо слова *women* было использовано словосочетание “*individuals with a cervix*” [«индивидуумы с шейкой матки»] (Crespo 2020), что вызвало бурные обсуждения в СМИ. В январе 2020 г. Британская медицинская ассоциация рекомендовала своему персоналу обращаться к будущим матерям “*pregnant people*”, а не “*women*”.

Ученые, придерживающиеся традиционных взглядов, обеспокоены тем, что «политически корректные» преподаватели университетов лишают студентов возможности ознакомиться со взглядами величайших ученых прошлого – «мертвых белых мужчин», таких как Аристотель и Фрейд, – и взамен включают в программы труды современных женщин и представителей этнических и сексуальных меньшинств не в силу их значимости, а в угоду мультикультурализму и прочим политическим веяниям.

Из школьных и университетских программ и библиотек изымаются книги, такие как «Геккльбери Финн» Марка Твена и «Убить пересмешника» Харпер Ли, несмотря на то, что на этих произведениях воспитывалась нетерпимость к расовой дискриминации не только у многих поколений американцев, но и жителей других стран. Причина тому – употребление в этих книгах слова *nigger*. В издании «Геккльбери Финна» 2011 г. это слово было заменено на *slave*, а *injun* – на *Indian*. «Как только вы это делаете, – пишет П. Мессент, – книга перестает быть произведением, написанным Твеном» (Messent 2011). Театры отказываются ставить некоторые пьесы Шекспира, чтобы не быть обвиненными в антисемитизме («Венецианский купец»), расизме («Отелло»), сексизме («Укрощение строптивой»).

9. ПК может использоваться в спекулятивных целях, поскольку каждая категория людей при желании может представить себя как ущемленная. Например, во время проведения кампании в защиту женщин Национальный студенческий союз США запретил выкрики и аплодисменты, так как это могло вызвать беспокойство среди нервных студентов. В одном из колледжей Кембриджа из меню были изъяты блюда под названием “*Jamaican Stew*” и “*Tunisian Rice*”, так как иностранные студенты пожаловались, что вкус этих блюд не вполне «правильный» и расценили это как «акт микроагрессии».

3.7. Политическая корректность и свобода слова

Несмотря на то, что ПК ориентирована на защиту дискриминируемых социальных групп, она устанавливает запреты, которые вступают в конфликт с правом человека на свободное выражение своих мыслей. Один из эпиграфов, который Дж. Хьюз использовал в уже цитированной выше монографии (Hughes 2014), размышляя о свободе слова, – это высказывание русского писателя Е.И. Замятина: «Настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики...».

Анализируя понятие цензуры, Д. Лессинг назвала ПК «самой мощной тиранией умов в так называемом свободном мире» (Lessing 2001, p. ix). Дж. Хьюз, в свою очередь, приводит слова К. Хитченса, написанные в 1994 г., о том, что «впервые в американской истории те, кто призывает к расширению прав, одновременно призывают к ограничению свободы слова» (приводится по: Hughes 2014). Об актуальности проблемы в наше время свидетельствует выход в свет ряда монографий, авторы которых также выступают в защиту свободы слова (Fox 2018, Morgan 2020, Murray 2019, Sparrow 2018).

В 2019 г. Дж.К. Роулинг, автор знаменитого «Гарри Поттера», вызвала бурю негодования, написав в своем твиттере: “*Trans women are women. Trans men are men. Non-binary people are non-binary*” [«Транс-женщины – это женщины. Транс-мужчины – это мужчины. Небинарные персоны – небинарные»]. «Левые» использовали по отношению к ней инвективу: *TERF – Trans Exclusionary Radical Feminist* и попытались подвергнуть ее бойкоту, который в английском языке обозначается выражениями *cancelling / being or getting cancelled. Cancel culture* – это новый вид коммуникативной практики, предполагающий бойкотирование знаменитостей, отказ обращать внимание на их творчество за выражение политически некорректных взглядов. В современной российской прессе и Википедии этот термин переводится как «культура отмены», однако представляется, что перевод неточен, что подтвердил проведенный нами опрос в большой онлайн-группе переводчиков. Респонденты предлагают следующие трактовки термина: «практика бойкота, исключения, вычеркивания, игнорирования, остракизм, травля».

7 июля 2020 г. в журнале *Harper’s Magazine* было напечатано открытое письмо под названием *A Letter on Justice and Open Debate* [Письмо о справедливости и открытой полемике], которое подписали более 150 известных общественных деятелей, писателей, ученых (Дж.К. Роулинг, Н. Хомский и др.). В числе прочего, в письме говорится о том, что в обществе превалирует нетерпимость к чужому мнению и отказ от открытого выражения своих взглядов в угоду политическому конформизму. Постоянно сужаются рамки того, за чем не последует акт возмездия. «Демократическая инклюзивность, – пишут авторы, – может быть достигнута, только если мы поднимем голос против нетерпимого климата, установившегося с обеих сторон» (*A Letter on Justice... 2020*). Этот и другие приведенные выше примеры указывают на противоречие между политической корректностью и свободой слова.

3.8. Политическая корректность в контексте межкультурной коммуникации

Непрерывающаяся эволюция языка, связанная с политической корректностью и инклюзивностью, создает сложности для дипломатов, представителей международных организаций, переводчиков, преподавателей иностранных языков, путешественников и студентов. Трудности обусловлены различиями в культурных нормах и ценностных ориентациях, грамматическом оформлении и семантике высказываний, их ассоциативных связях и т.д.

Например, можно утверждать, что в русском языке нет адекватного перевода для слова *Black*. Сложности возникали даже при написании данной статьи. Теоретически слово *негр* в русском языке нейтрально. Однако в настоящее время начинает ощущаться влияние английского языка, особенно среди образованной молодежи – все чаще это слово воспринимается как политически некорректное. Возникла интересная ситуация – влияние извне привело к появлению языковой лакуны. Русское слово *черный*, применяемое по отношению к людям, отрицательно маркировано еще сильнее, чем *негр*, что удалось выяснить при опросе большого количества русскоязычных студентов; кроме того, в России оно часто используется как инвектива по отношению к кавказцам. Избегая слов «негр» и «негритянский», русские затрудняются найти им замену. Существуют слова *темнокожий*, *африканец*, *афроамериканец*, *представитель негроидной расы* и т.д., однако ни одно из них не является универсальным: *африканец* обозначает только жителей Африки; *афроамериканец* исключает представителей негроидной расы, проживающих за пределами Америки; слово *темнокожий* также не вполне удовлетворительно, так как темнокожими могут быть не только представители негроидной расы, но и, например, латиноамериканцы или индусы. В данной статье использовано слово *чернокожий*, так как оно, на наш взгляд, наиболее близко по своей семантике слову *Black* и не отмечено негативными коннотациями.

Сложность составляет и расхождение между языками по линии наличия/отсутствия грамматического рода, обуславливающее различную концептуализацию гендера. Носители языков, где есть грамматический род, считают описанные выше дебаты вокруг рода существительных безумием, поскольку род изначально «назначен» существительному, в том числе и неодушевленному, и согласующимся с ним частям речи, в то время как для носителей английского языка это может быть сознательным выбором. Думается, что именно это обстоятельство обусловило коммуникативный сбой, описанный Василием Аксеновым в книге «В поисках грустного бэби» (2000), когда он сравнил цензуру с истеричной дамой и был обвинен американскими феминистками в мужском шовинизме. На самом деле к созданию метафоры его, по-видимому, подтолкнуло то, что слово «цензура» в русском языке женского рода. Проблемы с грамматическим родом также четко прослеживаются на примере ребенка-билингва, который говорит о девочке-однокласснице: *У меня есть друг, его зовут Файена*.

Потенциальной проблемой при переводе с английского языка на русский может стать склонение фамилий – как известно, некоторые из них, в особенности иностранные, склоняются в мужском роде и не склоняются в женском. А что делать, если человек с такой фамилией не идентифицирует себя ни как мужчина, ни как женщина?

Кроме того, сложность понимания и употребления эвфемистических конструкций со стороны русского коммуниканта обусловлена тем, что наш язык

не сильно обременен нормами политической корректности. Причины такого положения дел – это отсутствие в России соответствующих законов и инструкций, равно как и несформированность данного понятия в сознании большинства носителей русского языка.

4. Выводы и заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) на протяжении своей почти столетней истории понятие политической корректности эволюционировало, сопровождаясь как положительными, так и отрицательными коннотациями; в настоящее время отношение к ней оказалось в центре противоречий между правыми и левыми политическими силами, демократами и республиканцами;

2) пришедшая на смену ПК языковая инклюзивность основана на сходных с ней языковых механизмах: исключении инвектив, относящихся к различным аспектам личностной идентичности; отказе от слов, которые в процессе использования обрели нежелательные коннотации и ассоциации; избегании стереотипизации; изменении семантики слов; эвфемии; ложных семантических связях;

3) новые языковые явления, связанные с ПК и инклюзивностью, включают небинарный подход к отражению гендера, изменения в концептуализации расы, возраста и физического состояния личности;

4) применение принципов ПК приводит к возникновению новых коммуникативных практик, оказывающих большое влияние на различные аспекты социальной жизни;

5) хотя политическая корректность и инклюзивный язык направлены на защиту социально уязвимых групп населения и улучшение общественного климата, с ними связан ряд нежелательных тенденций, таких как противоречия между различными социальными группами; развитие обратной дискриминации против белых; сложные отношения политической корректности с наукой, литературой и образованием; использование ПК в спекулятивных целях; ограничение свободы слова;

6) развитие политически корректной межкультурной коммуникации осложнено непрекращающейся эволюцией языка, расхождением в культурных нормах и ценностных ориентациях, различиями в грамматическом оформлении и семантике языковых единиц, культурно-специфическими ассоциативными связями.

Описанные в статье явления – это реальность сегодняшнего дня. Проблема политической корректности многогранна и представляет большой интерес с лингвокультурологической, эпистемологической и социолингвистической точек зрения. Усвоение норм инклюзивности – это не просто смена языка, это смена мировоззрения, переосмысление представлений о нравственности, интериоризация иных ценностных ориентиров. Однако можно утверждать, что в современных англоязычных обществах вопрос о формировании

норм политической корректности без перегибов и ограничения свободы слова остается открытым, а, следовательно, поднятые в статье вопросы еще долго будут оставаться актуальными. Перспективы дальнейшего исследования также заключаются в углубленном анализе норм политической корректности, используемых в межкультурном взаимодействии в сферах дипломатии, спорта, образования, культуры и т.д.

© Olga A. Leontovich, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Иванова О.Ф. Политкорректность в России // Вестник Евразии. 2002. С. 62–71 [Ivanova, Olimpiada F. 2002. Politkorrektnost' v Rossii (Political correctness in Russia). *Vestnik Evrazii* 62–71].
- Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с. [Leontovich, Olga A. 2011. *Metody kommunikativnyh issledovanij* (Methods of communication research). Moscow: Gnozis. 224 p.].
- Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005. 341 с. [Leontovich, Olga A. 2005. *Russkie i amerikancy: paradoksy mezhkul'turnogo obshhenija* (Russians and Americans: paradoxes of intercultural communication). Moscow: Gnozis. 341 p.].
- Леонтович О.А., Якушева Е.В. Понимание – начало согласия: межкультурная семейная коммуникация. М.: Гнозис, 2014. 224 с. [Leontovich, Olga A., Yakusheva, Ekaterina V. 2014. *Ponimanie – nachalo soglasija: mezhkul'turnaja semejnaja kommunikacija* (Understanding as the beginning of agreement). Moscow: Gnozis. 224 p.].
- Майба В.В. Политическая корректность как лингвоидеологическое явление и ее рецепция в русской лингвокультуре. Ростов-на-Дону: РГУПС, 2016. 107 с. [Majba, Vita V. 2016. *Politicheskaja korrektnost' kak lingvoideologicheskoe javlenie i ee reserpcija v russkoj lingvokul'ture* (Political correctness as a lingua-ideological phenomenon and its reception in Russian culture). Rostov-na-Donu: RGUPS. 107 p.].
- Палажченко М.Ю. К вопросу о политической корректности, настоящей и мнимой, и политике двойных стандартов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2004. №1. С. 81–89 [Palazhchenko, Marina Ju. 2004. *K voprosu o politicheskoi korrektnosti, nastojashhej i mnimoi, i politike dvojnyh standartov* (The problem of political correctness, real and imaginary). *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 19, Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* 1. 81–89].
- Рубина Н.Б. Эфемизм и политическая корректность в современном английском языке // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2011. №4. С. 35–40 [Rubina, Nonna B. 2011. *Jefemizm i politicheskaja korrektnost' v sovremennom anglijskom jazyke* (Euphemism and political correctness in modern English). *Vestnik RUDN* 4. 35–40].
- Савватеева Л.В. Метаязык коммуникации: лингвистическая политкорректность и социальная толерантность // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 10 (66). С. 27–32 [Savvateeva, Ljubov' V. 2008. *Metajazyk*

- kommunikaciji: lingvističeskaja politkorrektnost' i social'naja tolerantnost' (Metalinguage of communication: linguistic political correctness and social tolerance). *Vestnik Tambovskogo universiteta* 10 (66). 27–32].
- Цурикова Л.В. Политическая корректность как социокультурный и прагмалингвистический феномен // Эссе о социальной власти языка / Под ред. Л.И.Гришаевой. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 94–103 [Curikova, Ljubov' V. 2001. Politicheseskaja korrektnost' kak sociokul'turnyj i pragmalingvističeskij fenomen (Political correctness as a sociocultural and pragmalinguistic phenomenon). In L.I. Grishaeva (eds.), *Jesse o social'noj vlasti jazyka* (Essay on social power of language). 94–103. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet].
- Швейцер А. Д. Некоторые проблемы языковой политики в США // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 1996. № 2. С. 11–16 [Shvejcer, Alexandr D. 1996. Nekotorye problemy jazykovoju politiki v SShA (Some problems of linguistic policy in the USA). *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language* 2. 11–16].
- Ayim, Maryann. 1998. Just how correct is political correctness? A critique of the opposition's arguments. *Argumentation* 12. 445–80.
- Berezow, Alex. 2016. Political correctness prevents advancement of science. *American Council of Science and Health*. URL: <https://www.acsh.org/news/2016/08/11/political-correctness-prevents-advancement-of-science> (accessed 12 August, 2020).
- Blommaert, Jan. 2005. *Discourse. A Critical Introduction*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Daniels, Anthony. Medical correctness. *The New Criterion*. Vol. 35. № 5. (January, 2017): 29.
- Fairclough, Norman. 2003a. *Analysing discourse*. New York, Routledge.
- Fairclough Norman. 2003b. Political correctness: The politics of culture and language. *Discourse and Society* 14 (1). 17–28. DOI: 10.1177/0957926503014001927
- Fox, Claire. 2018. *I find that offensive*. Biteback Publishing.
- Haney López, Ian. 2014. *Dog whistle politics: How coded racial appeals have reinvented racism and wrecked the middle class*. Oxford University Press, USA.
- Hall, Stuart. 1994. Some “politically incorrect” pathways through PC. In S. Dunant (eds.), *The War of the Words: The Political Correctness Debate*. 164–184. London: Virago Press.
- Hughes, Geoffrey. 2009. *Political correctness: A history of semantics and culture*. Wiley-Blackwell.
- Kimball, Roger. 1998. *Tenured radicals: How politics corrupted our higher education*. New York: Harper Collins.
- Kuran, Timur. 1995. *Private truths, public lies*. Cambridge: Harvard University Press.
- Larina, Tatiana, Vladimir Ozyumenko & Douglas Mark Ponton. 2019/2020. Persuasion strategies in media discourse about Russia: Linguistic ambiguity and uncertainty. *Lodz Papers in Pragmatics* 15 (1). 3–22. DOI: 10.1515/lpp-2019-0002
- Lessing, Doris. 2001. Censorship and the climate of opinion. Foreword in *Censorship: A World Encyclopedia*. vii – x. Fitzroy Dearborn Publishers.
- Moller, Dan. 2020. Dilemmas of political correctness. *Journal of Practical Ethics*. URL: <http://www.jpe.ox.ac.uk/papers/dilemmas-of-political-correctness/> (accessed 11 August, 2020).
- Morgan, Piers. 2020. *Wake up*. HarperCollins Publishers.
- Murray, Douglas. 2019. *The madness of crowds*. Bloomsbury.
- Perry, Ruth. 1992. A short history of the term ‘politically correct’. In Patricia Aufderheide (ed.), *Beyond PC: Toward a politics of understanding*. Graywolf Press.
- Roper, Cynthia. Political correctness. In: *Encyclopaedia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/topic/political-correctness> (Accessed 5 July, 2020).

- Schwartz, Howard S. 2016. *Political correctness and the destruction of social order*. Springer International Publishing AG.
- Sparrow, Jeff. 2018. *Trigger warnings*. Scribe Publications.
- Weiss, Gilbert & Ruth Wodak (eds.). 2007. *Critical discourse analysis: theory and interdisciplinarity*. London, Basingstoke, New York: Palgrave, Macmillan.

Источники практического материала / Sources of Practical Material

- Аксенов В. В поисках грустного бэби. М.: Изографус; ЭКСМО-Пресс, 2000. 560 с. [Aksyonov, Vasily. 2000. *V poiskakh grustnogo bebi* (In Search of Melancholy Baby). Moscow: Izografus; EKSMO-Press.].
- Краусс Л. The Wall Street Journal (США): Развращающее влияние идеологии на науку 18.07.2020 [Krauss, Lawrence. *Razvrashhajushhee vlijanie ideologii na nauku* (The corrupting influence of ideology on science) (in Russ.)]. URL: <https://inosmi.ru/social/20200718/247776659.html> (accessed: 20 July, 2020).
- ААРА Statement on Race & Racism. URL: <https://physanth.org/about/position-statements/aapa-statement-race-and-racism-2019/> (accessed: 23 July, 2020).
- A letter on justice and open debate. 2020. Harpers'. URL: <https://harpers.org/a-letter-on-justice-and-open-debate/> (accessed: 12 August, 2020).
- Chow, Kat. 2016. 'Politically correct': The phrase has gone from wisdom to weapon. Code Switch. URL: <https://www.npr.org/sections/codeswitch/2016/12/14/505324427/politically-correct-the-phrase-has-gone-from-wisdom-to-weapon> (accessed: 15 June, 2020).
- Crespo, Gisela. 2020. American Cancer Society now recommends cervical cancer screening start at 25, not 21. *CNN*. URL: <https://edition.cnn.com/2020/07/30/health/new-cervical-cancer-screening-recommendations-wellness/index.html#:~:text=%28CNN%29%20Individuals%20with%20a%20cervix%20are%20now%20recommended,guideline%20rel eased%20Thursday%20by%20the%20American%20Cancer%20Society> (accessed: 17 August, 2020).
- Garcia, Laleña. 2018. Mirrors and Windows. Black Lives Matter at NYC Schools. URL: <https://blmedu.wordpress.com/2018/01/31/mirrors-and-windows-by-lalena-garcia/> (accessed: 14 July, 2020).
- Gibson, Caitlin. 2016. How 'politically correct' went from compliment to insult. *Washington Post*. URL: https://www.washingtonpost.com/lifestyle/style/how-politically-correct-went-from-compliment-to-insult/2016/01/13/b1cf5918-b61a-11e5-a76a-0b5145e8679a_story.html?utm_term=.19da582509e3 (accessed: 3 July, 2020).
- Goldman, Russell. 2014. Here's a list of 58 gender options for Facebook users. URL: <https://abcnews.go.com/blogs/headlines/2014/02/heres-a-list-of-58-gender-options-for-facebook-users> (accessed: 18 June, 2020).
- Hamilton C. 2015. Political correctness: its origins and the backlash against it. *The Conversation*. URL: <https://theconversation.com/political-correctness-its-origins-and-the-backlash-against-it-46862> (accessed: 23 July, 2020).
- Hannah, Mark. 2016. Political correctness is an absolute must. *Time*. URL: <https://time.com/4405217/trump-political-correctness-obama/> (accessed: 8 July, 2020).
- Inclusive language. 2020. Graduate Writing Center, Seattle University. URL: <https://www.seattleu.edu/education/graduate-writing-center/style--language/inclusive-language/#:~:text=What%20is%20inclusive%20language%3F,as%20part%20of%20a%20group.> (accessed: 5 June, 2020).
- Karlson, Jay. 2006. 10 ridiculous cases of political correctness. URL: <http://listverse.com/2010/10/26/10-ridiculous-cases-of-political-correctness/> (accessed: 24 May, 2020).

- Lopez, German. 2016. The sneaky language today's politicians use to get away with racism and sexism. *Vox*. URL: <https://www.vox.com/2016/2/1/10889138/coded-language-thug-bossy> (accessed 18 May, 2020).
- Maher, Bill. 2016. Bill Maher pens blistering essay on Hillary as “Charlie Brown”, Trump and Why Bernie Sanders, socialist, can win. *The Hollywood Reporter*. URL: <https://www.hollywoodreporter.com/features/bill-maher-pens-blistering-essay-hillary-as-charlie-brown-trump-why-bernie-sanders-socialist-can-win-863493> (accessed: 19 July, 2020).
- Messent, Peter. 2011. Censoring Mark Twain's ‘n-words’ is unacceptable. *The Guardian*.
- Mounk, Yascha. 2018. Americans strongly dislike PC culture. *The Atlantic*. “My needs are not special”. URL: <https://hellomichelleswan.com/my-needs-are-not-special/> (accessed: 6 August, 2020).
- O'Connor A.M. 2019. Should you be using gender-neutral language with your kids? *She KNOWS*. URL: <https://www.sheknows.com/parenting/articles/2115116/gender-neutral-parenting-terms/> (accessed: 15 June, 2020).
- Ross, Janell. 2015. White Americans long for the 1950s, when they didn't face so much discrimination. *The Washington Post*.
- Sundeyeva, Tatyana. 2010. Political correctness gone too far? *Kcmamu. Russian American News and Views*. URL: <http://kstati.net/political-correctness-gone-too-far/> (accessed: 1 August, 2020).
- Syrett, Kristen. 2020. The language of racism: Why it's time to get rid of master bedroom, cake walk, grandfather clause. URL: <https://www.wbur.org/hereandnow/2020/07/23/language-racism-enslavement> (Accessed 15 May, 2020).
- Weigel, Moira. 2016. Political correctness: how the right invented a phantom enemy. *The Guardian*.
- What is diversity & inclusion? Global Diversity Practice. URL: <https://globaldiversitypractice.com/what-is-diversity-inclusion/> (accessed: 15 June, 2020).
- World Wide Words. Investigating the English language across the globe: Niggardly. URL: <https://www.worldwidewords.org/qa/qa-nig1.htm> (accessed: 15 June, 2020).

Электронные ресурсы / Internet Resources

- Brotman, Stuart. 2016. For Trump, being politically incorrect is now ‘PC’. URL: <https://thehill.com/blogs/pundits-blog/presidential-campaign/288840-trumps-politically-correct-paradox> (accessed: 17 June, 2020).
- Ely, Robin J., Debra Meyerson, Martin N. Davidson. 2006. Rethinking political correctness. *Harvard Business Review*. <https://hbr.org/2006/09/rethinking-political-correctness> (accessed: 1 June, 2020).
- Roper, Cynthia. 2013. Political correctness. *Encyclopaedia Britannica* URL: <https://www.britannica.com/topic/political-correctness> (accessed: 5 July, 2020).

Article history:

Received: 18 August 2020

Accepted: 18 December 2020

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 августа 2020

Дата принятия к печати: 18 декабря 2020

Bionote:

Olga A. LEONTOVICH, Doctor habil., is Professor and Chair of the Department of Intercultural Communication and Translation at Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia) and Professor of Tianjin Foreign Studies University (Tianjin, China). She has authored over 220 publications. Her research interests embrace communication studies, discourse analysis, cultural anthropology, sociolinguistics and intercultural communication.

Contact information:

Volgograd State Socio-Pedagogical University

27 Lenin Prospect, Volgograd, 400066, Russia

e-mail: olgaleo@list.ru

ORCID: 0000-0002-0972-4609

Сведения об авторе:

Ольга Аркадьевна ЛЕОНТОВИЧ – доктор филологических наук, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации Волгоградского государственного социально-педагогического университета (ВГСПУ); профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков (г. Тяньцзинь, КНР). Автор более 220 публикаций. Основные сферы научных интересов – теория коммуникации, дискурс-анализ, лингвокультурология, социолингвистика, межкультурная коммуникация.

Контактная информация:

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Россия, 400066, г. Волгоград, пр. Ленина, 27

e-mail: olgaleo@list.ru

ORCID: 0000-0002-0972-4609